

Джон Пайпер

# МАРТИН ЛЮТЕР

Уроки, извлеченные из его  
жизни и творчества

IN LUMINE

This booklet was first published in the United States  
by Desiring God

© DESIRING GOD  
desiringgod.org

© 2008 IN LUMINE Russian edition copyright

Printed by IN LUMINE

IN LUMINE P.O.Box 1842 Chernigov,  
14000 Ukraine  
380635630071  
inlumine.org  
info@inlumine.org

© Перевод на русский язык, «IN LUMINE», 2008

## ***Мартин Лютер. Уроки, извлеченные из его жизни и творчества***

Конференция церкви «Вифлеем» для пасторов  
30 января 1996 г., Джон Пайпер

### **Лютер открывает для себя Книгу**

Одним из великих переоткрытий Реформации, в особенности же Мартина Лютера, было то, что Слово Божие приходит к нам в виде Книги. Другими словами, Лютер уловил суть того великого факта, что Бог передает опыт спасения и святости из поколения в поколение посредством Книги откровения, а не через епископа в Риме, и не через исступления Томаса Мюнцера и пророков Цвиккау (см. сноску 1). Слово Божие приходит к нам в виде Книги. Это отнюдь не новое открытие сформировало Лютера и Реформацию.

Один из ярых противников Лютера в римской церкви, Сильвестр Приериас, писал в ответ на лютеровские 95 тезисов: «Тот, кто не принимает доктрины Римской церкви и Папы Римского в качестве непогрешимого правила веры, от которого и само Священное Писание также получает свою силу и авторитет,

является еретиком» (см. сноску 2). Другими словами, Церковь и Папа являются авторитетным залогом спасения и Слова Божьего, а Книга является производным от этого и второстепенным. «Открытие Лютера», – говорит Хейко Оберман, – «состоит в идее абсолютно послушания Писанию вопреки всякой власти и авторитету, будь она в виде папы или магистратов» (см. сноску 3). Другими словами, спасающее, освящающее, авторитетное Слово Божие приходит к нам в виде Книги. Выводы, какие можно сделать из этого простого умозаключения, просто потрясающие.

В 1539 году, в толковании на Псалом 118 Лютер писал: «В этом псалме Давид постоянно говорит о своем желании говорить, размышлять, вникать, читать день и ночь, – но во что вникать, что читать, над чем размышлять? Ни над чем иным, как над Словом Божиим и Его Заповедями! *Ибо Бог хочет дать вам Своего Духа исключительно через внешнее Слово*» (см. сноску 4). Эта фраза имеет чрезвычайно важное значение, ибо «внешнее Слово» есть не что иное, как Книга. И спасающий, освящающий, просвещающий Дух Божий, говорит он, приходит к нам *через это «внешнее Слово»*.

Лютер называет его «внешним», чтобы подчеркнуть, что оно имеет неизменный, объективный характер, то есть находится вне нас и потому является неизменным. И Оно есть Книга. Никакая церковная иерархия или фанатическое исступление не могут заменить его или изменять его. Оно есть «внешнее» по отношению к ним, как и Бог. Вы можете либо принять Его, либо отвергнуть, но вы не можете переименовать Его, сделать Его не таким, как Оно есть. Оно представляет собой Книгу с определенным набором букв, слов и предложений.

И Лютер провозглашал с неиссякаемой силой в 1545 году, за год до своей смерти, то же самое: «пусть всякий, кто желает услышать, что говорит Бог, читает Священное Писание» (см. сноску 5). Ранее он говорил в своих лекциях на книгу Бытия: «Сам Святой Дух и Бог, Создатель всего, является Автором этой Книги» (см. сноску 6). Одним из косвенных подтверждений понимания того факта, что Слово Божье приходит к нам в виде книги, является уже само название темы этой конференции: «Пастор и его учение», а не «Пастор и его интуиция», или «Пастор и его религиозная

многогранность». Слово Божье, Которое спасает и освящает людей из поколения в поколение, сохраняется в Книге. И поэтому в основе всякого пасторского труда лежит труд над книгой. Назовите этот труд чтением, размышлением, медитацией, познанием, исследованием, экзегезисом или чем угодно еще, – все равно самая большая и главная часть нашей работы представляет собой скрупулезный труд по извлечению Божьего смысла из Книги и провозглашению его в силе Святого Духа.

Лютер знал, что некоторые преткнутся на явном консерватизме этого простого, неизменного факта. Божье Слово закреплено в Книге. Но он знал тогда, как и мы знаем сейчас, что многие будут говорить, что такое утверждение сводит на нет или к минимуму чрезвычайно важную роль Святого Духа как Подателя жизни и света. Лютер, наверное, как я думаю, ответил бы на это так: «да, это вполне возможно». Здесь можно было бы сказать, что ослепляющий свет солнца сводит на нет старания хирурга, исцеляющего слепоту, однако большинство людей с этим не согласится. Большинство, но только не Лютер.

Он сказал в 1520 году: «я заверяю вас, что никто не может быть доктором по Священ-

ному Писанию, кроме Святого Духа с небес» (см. сноску 7). Лютер был великим почитателем Святого Духа. И его восхищение Книгой как «внешним Словом» отнюдь не умаляло Духа. Напротив, оно превозносило этот великий дар Духа христианству. В 1533 году он писал: «Слово Божие – величайший, самый необходимый и самый важный атрибут христианства» (см. сноску 8). Без «внешнего Слова» мы бы не могли отличать одного духа от другого, да и объективная Личность Самого Святого Духа потерялась бы в тумане субъективных силлогизмов. Превознося Книгу, Лютер вместе с тем давал понять, что Святой Дух – это прекрасная Личность, Которую нужно знать и любить, а не исступление чувств, в которое впадают.

Еще одно возражение против лютеровского превознесения Книги заключается в том, что оно якобы принижает роль воплощенного Слова, Самого Иисуса Христа. Лютер же утверждает, что верно как раз противоположное. В той степени, в какой Слово Божье отделено от объективного, «внешнего», Слова, воплощенное Слово, исторический Иисус, становится «фигуркой из воска» для предпочтений

каждого нового поколения. У Лютера было одно средство, с помощью которого можно было спасти воплощенное Слово от продажи на рынках Виттенберга: он изгнал менял, – продавцов индульгенций, – бичом «внешнего Слова», т.е. Книги.

В вывешенных им 31 октября 1517 года 95 тезисах 45-й тезис утверждал: «христиан необходимо учить, что всякий, кто, видя нуждающегося, проходит мимо него, и вместо милостыни покупает на эти деньги индульгенцию, получает не отпущение грехов от папы, а Божий гнев» (см. сноску 9). Этот удар следовал со стороны Книги, – из истории о добром самарянине и из второй наибольшей заповеди в Книге, «внешнем Слове». А без Книги не было бы и этого удара, и воплощенное Слово было бы игрушкой в руках всех. Поэтому как раз ради этого самого воплощенного Слова Лютер превозносит Слово написанное, «внешнее Слово».

Да, верно, церкви нужно *представлять*, как жил и что говорил Господь, ходя по этой земле. Корень нашей веры – в этом эпохальном в истории откровении. Однако Лютер утверждал, что это *представление* возможно только через написанное Слово. Воплощенное Слово откры-



вается нам в Книге (см. сноску 10). Разве не удивительно то, что Дух и во дни Лютера, и в наши дни практически ничего не говорит о воплощенном Господе, а только превозносит Господа через записанные свидетельства о воплощенном Слове?

Ни римская церковь, ни харизматичные пророки никогда не утверждали, что Дух Господень рассказывал им о каких-нибудь событиях из жизни исторического Иисуса, которые были бы еще не известными. Это удивительно. Несмотря на все свои притязания на авторитет, *превосходящий* авторитет «внешнего Слова» (со стороны папы), или *равный* авторитету «внешнего Слова» (со стороны пророков), никто из них не сообщает никаких новых сведений о жизни и служении воплощенного Иисуса. Рим осмеливается еще прибавлять новые факты к жизни Девы Марии (например, о непорочном зачатии, – см. сноску 11), но только не к жизни Иисуса. Харизматичные пророки будут еще возвещать о новых делах Господа и в шестнадцатом веке, и в наши дни, но ни один из них не сообщил еще ни одной новой притчи и не поведал ни об одном новом чуде воплощенного Слова, о которых бы не сообщалось

в Евангелиях. Ни римская власть, ни пророческий экстаз не добавляют и не убавляют ничего из объективного жизнеописания воплощенного Слова (см. сноску 12).

Почему же Дух обходит таким молчанием воплощенное Слово, причем даже среди тех, кто посягает на авторитет Книги? Ответ, похоже, кроется в том, что Богу угодно было открыть Воплощенное Слово всем последующим поколениям *через посредство Книги*, особенно евангелий. Лютер говорит об этом так:

Сами апостолы посчитали необходимым изложить Новый Завет на греческом и напроочь прикрепить Его к этому языку, вне сомнения, для того, чтобы сохранить его для нас целым и неискаженным, как в священном ковчеге, ибо они предвидели все, чему надлежит быть и что сейчас уже пришло, и знали, что если этот Завет оставить только в устной традиции, в головах, то в Церкви наступит страшный беспорядок и смятение, так как возникнет множество разных толкований, представлений и учений, чего можно не допустить и от чего простого человека можно защитить только одним

способом, – изложив Новый Завет на письменном языке (см. сноску 13).

Внутреннее служение Духа отнюдь не отменяет служение «внешнего Слова». Он не дублирует то, что должно делать Слово. Дух прославляет Воплощенное Слово евангелий, но Он не пересказывает Свои слова и дела для неграмотных людей или нерадивых пасторов.

Огромная по важности мысль, вытекающая из этого для пасторского служения, заключается в том, что *мы, пасторы, являемся посредниками Слова Божьего, переданного в Книге*. В сущности, именно мы являемся читателями, учителями и проповедниками сообщенного в этой Книге. И все это для славы Воплощенного Слова и силой обитающего в нас Духа. Но ни живущий в нас Дух, ни Воплощенное Слово нисколько не уводят нас от той Книги, которую Лютер назвал «внешним Словом». Христос из «внешнего Слова» всегда готов к нашему *поклонению*, нашему *общению* и нашему *послушанию*. Именно из этого Слова мы познаем славу Божию в лице Иисуса Христа» (2 Коринфянам 4:6). Следовательно, именно ради Христа Дух размышляет над Книгой, где Христос явлен четко, а не над трансами, где Он – мистический.

Тот конкретный вопрос, на который я хочу попытаться найти ответ вместе с вами, таков: как это открытие Книги повлияло на способ несения Лютером своего служения Слова. Чему мы можем поучиться от Лютера-исследователя? Всю свою профессиональную жизнь он проработал профессором Университета в Виттенберге. Поэтому будет полезно проследить его жизнь до этого момента и затем задаться вопросом, почему профессор может служить примером для пасторов.

### **Путь к профессорскому званию**

Лютер родился 10-го ноября 1483 года в Айслебене в семье рудокопа. Его отец хотел, чтобы он получил образование юриста. И он был на пути к этому званию в Университете. Как говорит Хейко Оберман: «не сохранилось почти никаких достоверных данных об этих первых восемнадцати годах жизни Лютера до того, как он ступил на порог Эрфуртского университета» (см. сноску 14).

В 1502 году в возрасте 19 лет он получил степень бакалавра, но оказался лишь на скромном 30-м месте из 57 в его классе. В январе 1505 года он получил степень Магис-

тра искусств в Эрфурте и оказался на втором месте среди 17 кандидатов на эту степень. Летом того же года совершилось переломное событие в его жизни, подобное случившемуся с Павлом по дороге в Дамаск. 2-го июля, по пути из юридической школы домой внезапно разыгралась гроза, и он был повержен на землю молнией. Он вскричал: «помоги мне, святая Анна; я стану монахом» (см. сноску 15). Он боялся за свою душу, но еще не знал, как найти спасение в евангелии, поэтому он выбрал лучшее, что знал, – монастырь.

Через пятнадцать дней, к ужасу для своего отца, он сдержал свое обещание. 17-го июля 1505 года он постучался в ворота августинских монахов-отшельников в Эрфурте и попросил приора принять его в послушники. Позже он скажет, что этот его выбор был вопиющим грехом, «никчемным, не стоящим и фартинга поступком», поскольку он был совершен против воли его отца и из страха. Затем он добавил: «но как много добра милостивый Господь позволил извлечь из него!» (см. сноску 16). И мы видим это действие милостивого Провидения снова и снова в истории Церкви, и именно оно должно защитить нас от парали-

зующего волю влияния на нас наших неправильных решений, принятых в прошлом. Бог не ограничен в Своих высших замыслах вывести нас, как Он вывел Лютера, из ошибок прошлой жизни в плодоносную жизнь радости.

Ему был всего 21 год, когда он стал монахом-августинцем. Пройдет еще 20 лет, прежде чем он женится на Катарине фон Бора 13 июня 1525 года. Так что впереди его ожидали еще 20 с лишним лет борьбы с искушениями холостяка с очень сильным влечением. Но «в монастыре», – говорил он, – «я вообще не думал о женщинах, деньгах или стяжательстве; наоборот, мое сердце дрожало от беспокойства о том, даст ли Бог Свою милость мне... ибо я отошел от пути веры и думать не мог ни о чем, кроме как о том, что я разгневал Бога, Которого я теперь должен умиловить деланием добрых дел» (см. сноску 17). Ранние труды Лютера отличались теологической безыскусностью. Он писал: «если бы я мог только поверить, что Бог не гневается на меня, я бы стоял на голове от радости» (см. сноску 18).

На Пасху, вероятно, 3-го апреля 1507 года он был посвящен в сан священника, а 2-го мая он уже отслужил свою первую мессу.

Его настолько охватило благоговение при мысли о величии Божиим, что, как он говорит, он чуть было не убежал с мессы. Приор убедил его продолжать вести службу. Оберман говорит, что такой случай – не редкость.

Ощущение *mysterium tremendum*, страшной тайны святости Бога, сопровождало Лютера на протяжении всей его жизни. Оно не позволило рутине пиетета вкрасться в его отношения с Богом, и именно благодаря этому ощущению изучение Библии, молитвы и чтение мессы не превратились для него в механически исполняемые рутинные обязанности: главное, к чему он стремился во всем этом, – встретиться с живым Богом (см. сноску 19).

В течение двух лет Лютер преподавал тонкости философии молодым монахам. Позже он говорил, что преподавание философии воспринималось им как какое-то временное занятие в ожидании настоящего события в его жизни (см. сноску 20). В 1509 году это «настоящее событие» произошло: его любимый старший брат, наставник и друг Йохан фон Штаупиц «допустил Лютера к Библии», то есть позволили Лютеру преподавать Библию вместо моральной философии, – Павла вместо Арис-

тотеля. Через три года, 19 октября 1512 года, в возрасте 28 лет Лютер получил степень доктора богословия, и Штаупиц передал ему кафедру библейской теологии в университете Виттенберга, на которой он оставался до конца своей жизни.

Таким образом, Лютер был университетским профессором богословия на протяжении всей своей профессиональной жизни. Это заставляет нас усомниться в том, действительно ли он может служить примером для пасторов, или хотя бы понять, с чем мы, пасторы, сталкиваемся в нашем служении. Но такое сомнение было бы ошибкой. По крайней мере три вещи роднят его с нашим призванием.

### **Почему пасторы должны прислушиваться к Лютеру?**

1. Он был большим проповедником, чем любой из нас, пасторов.

Ему знакомо было бремя обязанностей еженедельного проповедования. В Виттенберге было две церкви – городская церковь и замковая церковь. Лютер был постоянным проповедником в городской церкви. Он говорил: «если бы я даже стал королем или императором, я



бы не оставил мои обязанности проповедника» (см. сноску 21). Он был движим страстным желанием возвеличить Бога Слова. В одной из своих молитв он говорит: «дорогой Господь, я хочу проповедовать так, чтобы Ты прославлялся. Я хочу говорить о Тебе, восхвалять Тебя, прославлять Твое имя. Хотя я, скорее всего, не смогу делать это хорошо, но я прошу Тебя: дай мне, чтобы у меня получалось хорошо!» (см. сноску 22).

Чтобы почувствовать всю силу этой страсти, вы должны учесть, что в Виттенбергской церкви в те дни не было никаких программ, а было одно только прославление и проповедь; в воскресенье в пять утра – прославление с проповедью на тему из посланий, в 10 утра – с проповедью на тему из евангелия, вечерняя проповедь – на тему из Ветхого Завета или катехизис. Проповеди по понедельникам и вторникам были на тему катехизиса; по средам – на тему из Матфея; по четвергам и пятницам – на тему апостольских посланий, и в субботу – на тему из Иоанна (см. сноску 23).

Лютер не был пастором городской церкви. Пастором там был его друг, Иоганн Бугенхаген, с 1521 по 1558 год, но Лютер участвовал

в проповеди практически каждую неделю, когда был в городе. Он выходил на проповедь, потому что горожане хотели послушать его, и потому еще, что он и его современники понимали, что его звание профессора богословия просто обязывало его преподавать Слово Божье всей церкви. Поэтому Лютер часто проповедовал два раза в воскресенье и один раз в будние дни. Вальтер фон Левених сказал в его биографии: «Лютер был одним из величайших проповедников в истории христианства... В период между 1510 и 1546 годами Лютер прочитал около 3000 проповедей. Часто он проповедовал несколько раз в неделю, причем нередко – один или два раза в день» (см. сноску 24).

К примеру, в 1522 году он произнес 117 проповедей в Виттенберге, и 137 в следующем году. В 1528 году он проповедовал около 200 раз, а начиная с 1529 года – по 121 проповеди. Итак, в среднем за эти четыре года он читал одну проповедь в каждые два с половиной дня. Как говорит Фред Мойзер в своей книге о проповеди Лютера, «ни дня для отдыха, – ему, как никому другому, знаком такой график. Каждый день недели – рабочий. Каждый день, без перерыва, – проповедь, обучение, частные

уроки, издательские дела, письма, душепопечительство» (см. сноску 25). Это – первое, что роднит его с нами, пасторами. Он знает бремя проповедования.

2. Как и большинство пасторов, Лютер был семейным человеком, – по крайней мере с 41-летнего возраста и до своей смерти в возрасте 62 лет.

Он познал тяжесть воспитания детей и страшную сердечную боль от их утраты. Кэт родила ему шестерых детей, причем почти каждый год: Иоганн (1526), Элизабет (1527), Магдалена (1529), Мартин (1531), Пауль (1533), и Маргарет (1534). Давайте посчитаем: Год разрыва между Элизабет и Магдаленой был годом, в который он проповедовал 200 раз (более одной проповеди через день). Добавьте к этому то, что Элизабет умерла в том же году в возрасте восьми месяцев, и он продолжал проповедовать с постоянной болью от этой утраты.

А чтобы мы не подумали, что Лютер нерадел о детях, необходимо учесть, что вечером по воскресеньям, часто после двух проповедей в течение дня, он принимался за домашние дела, которые были для него практически еще

одним часовым богослужением, включая прием гостей и уход за детьми (см. сноску 26). Таким образом, Лютер был знаком с тем, что значит быть публичным и в то же время очень занятым семейным человеком.

3. Лютер был священнослужителем, а не далеким от повседневной жизни философом-богословом.

Он был не просто участником почти всех диспутов и разногласий своего времени, он выступал, как правило, их зачинщиком. Например, Гейдельбергский диспут (1518 год), встреча с кардиналом Кайетаном в Аугсбурге (1518 год), Лейпцигский диспут с Джоном Эком и Эндрю Карлштадтом (1519 год), а также Законодательное собрание Аугсбурга (несмотря на личное его там отсутствие, 1513 год).

Помимо активного личного участия в церковных конференциях был еще невероятный поток брошюр на одну тему, – руководства церковью. К примеру, в 1520 году он написал 133 работы; в 1522-м – 130; в 1523-м – 183 (по одной через день!), и еще столько же в 1524 году (см. сноску 27). Он служил своеобразным громоотводом для всякой критики Реформации. «Все стекались к нему, часами

дежурили у его дверей, – горожане, доктора, принцы. И все со своими проблемами: то решить дипломатическую загадку, то объяснить сложные теологические вопросы, то изложить этику общественной жизни» (см. сноску 28).

С крахом средневековых устоев церковной жизни необходимо было разработать абсолютно новое представление о христианской жизни и роли церкви. И в Германии бремя решения этой задачи в значительной степени пало на долю Мартина Лютера. Поражает то, с каким рвением он отдавался организационным делам жизни прихода. Например, когда было принято решение о том, чтобы направлять в каждый приход «Представителей» государства и университета для оценки состояния церкви и составления предложений по улучшению церковной жизни, Лютер взялся сам написать эти рекомендации, которые назывались так: «Инструкции для Посетителей пасторов приходов в электоральном округе Саксонии». В них он касался широкого спектра практических вопросов. Касаясь темы воспитания детей, он дошел до таких подробностей, как разделять младшие классы на три группы: еще не умеющих читать, умеющих читать и хорошо читающих.

Далее он дает свои предложения о том, как обучать эти группы.

Прежде всего они должны научиться читать учебник для начинающих с букварем, молитвой «Отче наш», «Верую» и другими молитвами. После того, как они выучат это, им следует давать Донатуса и Катона, причем Донатуса читать, а Катона – толковать. Учитель должен истолковывать по одному-два стиха за один раз, а дети должны повторять это толкование на следующем уроке, чтобы расширять свою словарную базу (см. сноску 29).

Я привожу этот пример просто для того, чтобы показать, что этот университетский профессор принимал самое активное участие в разрешении самых что ни на есть практических вопросов служения от колыбели до могилы. Он проводил свои исследования не в невозмутимом покое творческих отпусков и длинных летних каникул, а в постоянном окружении жаждавших получить ответы на свои проблемы и в постоянной работе.

Поэтому я заключаю, что хотя он и был университетским профессором, нам, пасторам, есть смысл обращаться к его работам и прислушиваться к его словам, чтобы научиться и получить вдохновение для служения Слова, – «внешнего Слова», т. е. Книги.

**Лютер-исследователь:  
роль, которую сыграла Книга**

Для Лютера понимание важности исследования Писания было настолько тесно переплетено с его открытием истинного евангелия, что он никогда не смотрел на исследование Писания иначе, как на чрезвычайно важное занятие, дающее жизнь и формирующее ход истории. Для него исследование было путем к евангелию, Реформации и Богу. Сегодня нам столь многое кажется самоочевидным относительно истины и Слова, что нам трудно представить, чего стоило Лютеру пробиться к истине и добиться постоянной доступности Слова для исследования. Для Лютера исследование играло очень важную роль. Вся его жизнь и жизнь церкви основывалась на этом. Я даже не уверен в том, сохранятся ли все те основы, которые заложил Лютер и другие реформаторы,

если мы утратим эту страсть к исследованию Писания при том, что истина будет оставаться открытой и доступной для каждого.

Чтобы увидеть эту тесную взаимосвязь исследования и проповеди евангелия, давайте вернемся назад, к раннему периоду жизни Лютера в Виттенберге. Великое открытие евангелия Лютер относит к 1518 году, когда он читал серию проповедей на Псалтырь (см. сноску 30). Он рассказывает об этом в его *Предисловии к полному собранию латинских сочинений Лютера*. Рассказ об этом открытии взят из Предисловия, написанного 5-го марта 1545 года, за год до смерти. Обратите внимание на случаи упоминания им своего исследования Писания (выделены курсивом).

*Во мне пылало огромное страстное желание понять то, что писал Павел в Послании к римлянам. Но путь к полному пониманию преграждало одно слово в главе 1, стих 17: «в нем открывается правда (праведность) Божия», потому что я ненавидел это выражение: «праведность Божия», которое, по обыкновению и традиции всех учителей я на-*



учился понимать в философском смысле, то есть как формальную, или активную праведность, как они ее называли, через которую Бог открывает Свою правду, наказывая несправедного грешника.

Хотя жизнь моя как монаха была безупречна, я чувствовал, что перед Богом я был грешником с очень беспокойной совестью. Я просто не мог поверить в то, что Он мог быть доволен моей радостью. Я не то что не любил, — я ненавидел праведного Бога, Который наказывает грешников, и в душе своей сильно роптал, сердясь на Бога и говоря: «как будто и в самом деле недостаточно того, что на несчастных грешников, навеки погибших из-за первородного греха, постоянно обрушиваются всевозможные бедствия по законам Десятисловия, что Бог еще добавляет мучений Своим евангелием, даже и в евангелии угрожая нам Своим праведным гневом!» Так я бунтовал, подстегиваемый обеспокоенной совестью. Тем не менее, я бился упорно над этим местом у Павла, страстно жаждая узнать, что же

*Св. Павел хотел сказать в этом стихе. Наконец, по милости Божией, размышляя над этим местом день и ночь, я вдруг обратил внимание на контекст этих слов, над которыми бился, а именно: «В нем открывается правда Божия от веры в веру, как написано: праведный верою жив будет». Тогда я начал понимать, что праведность Божия – это то, чем праведный живет по дару Божьему, т. е. по вере. А это означает, что праведность Бога открывается в евангелии, то есть пассивная праведность, через которую милостивый Бог оправдывает нас по вере, как написано: «праведный верою жив будет». И тут я вдруг почувствовал, что переродился заново и вошел в сам рай через открывшиеся вдруг врата. Мне вдруг совершенно по-иному открылось все Писание. Я тут же начал извлекать из памяти все известные мне места из Писания... и истолковывать в свете вновь открывшейся истины. И я полюбил это ставшее теперь моим самым любимым выражение «праведность Божия» с такой силой, с какой до*

этого ненавидел его. Таким образом, *это место из Павла* стало для меня воистину дорогой в рай (см. сноску 31).

Обратите внимание, как Бог подводил Лютера к свету евангелия оправдания верой. Всего шесть цитат, – каждая из них раскрывает напряженную работу мысли исследователя, бьющегося над библейским текстом:

*Во мне пылало огромное страстное желание понять то, что писал Павел в Послании к римлянам:*

*По обыкновению и традиции всех учителей я был научен понимать в философском смысле. (подход к исследованию Писания, от которого он отходил).*

*Тем не менее, я бился упорно над этим местом у Павла, страстно жаждая узнать, что же Св. Павел хотел сказать в этом стихе.*

*Наконец, по милости Божией, размышляя над этим местом день и ночь, я вдруг обратил внимание на контекст этих слов.*

*Я тут же начал извлекать из памяти все известные мне места из Писания.*

*Это место из Павла стало для меня во-  
истину дорогой в рай.*

В этих цитатах ясно видны или подразумеваются начала исследовательского подхода Лютера. Но что же отличало Лютера как исследователя?

1. Лютер первый поставил авторитет самого библейского текста намного выше авторитета всех комментаторов или отцов церкви.

И это он сделал отнюдь не от лени. Меланхтон, друг и коллега Лютера по Виттенбергу, говорил, что Лютер знал его Догматику в свои ранние годы настолько хорошо, что мог цитировать наизусть целые страницы Габриэля Билля (стандартный текст Догматики, опубликованный в 1488 году) (см. сноску 32). Отцами церкви и философами двигала не лень изучать труды богословов; это была всепоглощающая страсть к превознесению самого библейского текста.

Он писал в 1533 году: «я уже в течение нескольких лет два раза в год прочитываю всю Библию. Если бы Библия была большим, могучим деревом, а все ее слова – маленькими веточками, я бы обследовал каждую веточку,

страстно желая узнать, что на ней и что из нее можно почерпнуть» (см. сноску 33). Оберман говорит, что Лютер придерживался этого правила не менее десяти лет (см. сноску 34). Библия стала значить для Лютера больше, чем все отцы церкви и комментаторы.

«Тот, кто хорошо знаком с текстом Писания», – говорил Лютер в 1538 году, – «уже является выдающимся богословом, ибо любой отрывок или стих из Библии имеет больше ценности, чем комментарии четырех авторов вместе взятых» (см. сноску 35). В своем *Открытом письме к христианскому дворянству* Лютер пояснил, что его беспокоило:

Писания всех святых отцов должно читать только на каком-то подготовительном этапе, чтобы они подвели нас к Священному Писанию. Мы же читаем их только для того, чтобы задержаться на них и никогда не придти к Священному Писанию. Мы подобны тем, кто только читает дорожные указатели, но никогда не идет по дороге. Дорогие отцы церкви желали своими сочинениями подвести нас к Писанию, но мы используем их пи-

сания таким образом, что это лишь уведит нас от Писания, хотя именно Писание есть тот единственный виноградник, в котором нам всем должно трудиться, не покладая рук (см. сноску 36).

Библия – это виноградник для пастора, в котором он должен трудиться, не покладая рук. «Однако», – сокрушался Лютер в 1539 году, – «Библия похоронена под горами комментариев, и самим ее текстом пренебрегают, несмотря на то, что в каждой области знания лучшими показывают себя те, кто хорошо знаком с ее текстом» (см. сноску 37). Для Лютера обращение к Библии продиктовано отнюдь не чисто пуританской верностью источнику. Оно показывает нам человека, который в горах нашел самый *исток* реки жизни, а не *производную из него* реку в долине. Для Лютера было крайне важно знать, изучал ли человек текст самого Писания, или потратил большую часть своего времени на чтение комментариев и второстепенной литературы. Осмысливая свои первые дни изучения Писания, он говорил:

Когда я был молод, я читал и перечитывал Библию снова и снова очень мно-

го раз, пока не стал настолько хорошо знаком с ней, что мог процитировать любое место по номеру стиха и главы. Тогда же я читал и комментаторов, но вскоре отбросил их, потому что находил у них много такого, чего моя совесть не принимала, поскольку они противоречили самому священному тексту. Всегда лучше видеть все своими собственными глазами, чем глазами других людей (см. сноску 38).

Все это отнюдь не говорит о том, что Лютер не оставлял вообще никакого места чтению других книг. Ведь, в конце концов, и он писал книги. Однако он советует нам смотреть на них как на второстепенную литературу, и читать их немного. Так как я сам читаю медленно, то я нахожу этот совет весьма ободряющим. Он говорит:

Студент, который не желает понапрасну тратить свои силы, должен настолько углубляться в чтение какого-нибудь хорошего автора, чтобы этот автор, так сказать, вошел в его плоть и кровь, ибо бессистемное чтение в больших количествах

только сбивает с толку и ничему не учит. Оно делает изучающего похожим на человека, который живет везде и нигде конкретно. Так же, как мы не каждый день наслаждаемся обществом каждого из наших друзей, а только лишь некоторых избранных, точно так же должно быть с нашим чтением (см. сноску 39).

Количество богословских книг должно быть снижено, и выбирать для чтения нужно только самые лучшие из них, ибо как владение большой библиотекой, так и чтение многих книг не делает человека ученым. Однако чтение какой-то хорошей книги, причем чтение частое, пусть по несколько страниц или даже строк за один раз, – это способ, употребляя который, можно стать знатоком Писания, и при этом обрести еще и благочестие (см. сноску 40).

2. Это радикальное сосредоточение на тексте Самого Писания при том, что всей остальной литературе отводится второстепенная роль, приводит Лютера к *напряженным и серьезным поискам самостоятельного понимания слов Павла и других библейских авторов.*



Вместо того, чтобы прибегать к комментаторам и отцам церкви, он говорит: «*я настойчиво бьюсь над разгадкой этих слов Павла, горя желанием понять, что же Павел хотел сказать*». И этот случай не был редким.

Он учил студентов, что экзегет должен обращаться с трудным местом из Писания точно так же, как Моисей со скалой в пустыне, в которую он ударял своим жезлом до тех пор, пока из нее не хлынула вода для его жаждущего народа (см. сноску 41). Другими словами, бейте по тексту. «Я бьюсь упорно над Павлом». Эта «битва с текстом» очень плодотворна: «Библия – это большой источник: чем больше пьешь из него, тем большую жажду он вызывает» (см. сноску 42).

Летом и осенью 1526 года Лютер решил прочитать лекции на Екклесиаста маленькой группе студентов, остававшихся в Виттенберге во время чумы. «Проповедник Соломон», – писал он другу, – «трудно дается мне, такое впечатление, будто он всегда скуп для любого, читающего по нему лекции. Но он должен поддаться» (см. сноску 43).

Вот в чем состоял труд исследования для Лютера: принять текст так же, как принял

Иаков ангела Господня, и сказать себе: «он должен поддаться. Я ХОЧУ услышать и понять, что говорит Слово Божие в этом месте для моей души и для церкви!» Так он пробирался к смыслу «праведности Божией» в оправдании. И так же он снова и снова продирался сквозь дебри традиции и философии.

3. Значение и ценность того, что Лютеру открылось, когда он упорно бился над языком Павла, навсегда убедило его в том, что *умение читать по-гречески и на древнееврейском есть одна из самых больших привилегий и обязанностей проповедника Реформации.*

И снова мотивом выступают здесь не академические интересы высокой учености, а духовный интерес к провозглашению и сохранению чистого евангелия.

Лютер бросает вызов тысячелетней тьме церковной жизни без Слова, когда смело заявляет: «я убежден, что если бы не языки, евангелие давно бы уже исчезло». (см. сноску 44). Он задает вопрос: «вы спрашиваете, какая польза от изучения языков? Вы говорите, что вы можете прекрасно читать Библию и на немецком?» И отвечает:

Без других языков мы бы никогда не получили евангелие. Языки – это ножны, в которых содержится меч Слова; они – шкатулка, содержащая бесценные драгоценности античной мысли; они – мехи, удерживающие вино; и, как говорит само евангелие, они – корзины, в которых находились хлеба и рыбки для насыщения тысяч.

Если мы будем пренебрегать литературой, то мы в конце концов потеряем евангелие... Как люди переставали учить языки, христианство начинало приходить в упадок, пока не попадало под безоговорочный диктат Папы. Но как только этот факел вновь возгорался, папский филин ретировался с пронзительным криком в свою тьму... В прошлые времена отцы церкви часто ошибались, потому что не знали языков, и в наши дни есть некоторые, кто, подобно вальденсианцам, считают знание языков бесполезным; но, несмотря на то, что в целом их учение правильное, они часто ошибались в истинном значении слов священного текста; они безоружны перед заблуждением, и, я боюсь, что и их вера не сохранит своей чистоты (см. сноску 45).

Главной целью было сохранение веры и чистота ее. Там, где отсутствует понимание важности знания языков и стремление их познать, снижается сила проникновения в библейский текст и уходит жажда истины. Оно и должно быть так ввиду отсутствия возможности посмотреть на один и тот же текст под иным углом зрения. Именно такая, очень реальная, возможность была у Лютера, потому как он знал этот текст. Он говорил: «если бы языки не раскрыли мне истинное значение Слова, я бы до сих пор оставался бы скованным цепями узколобости монахом, который только то и делал, что проповедовал бы заблуждения римской церкви во тьме монастыря; папа, софисты и их антихристианская империя так и остались бы несотрясенными» (см. сноску 46). Другими словами, он приписывает прорыв Реформации проникающей силе языков оригинала.

Большим лингвистическим событием времен Лютера было появление греческого Нового Завета в редакции Эразма Роттердамского. Как только этот труд появился в середине лета 1516 года, Лютер тут же приобрел его и начал изучать его и использовать в своих лекциях по 9-й главе послания к Римлянам. Он делал

это даже несмотря на то, что Эразм был его оппонентом в богословии. Знание древних языков было для Лютера таким сокровищем, что он готов был ходить в школу хоть вместе с дьяволом, только чтобы выучить их.

Он был убежден, что без знания древних языков исследователь Писания будет натывать на многочисленные противоречия, которые станут для него препятствием к проникновению в глубинный смысл. «Блаженный Августин», – говорил он, – «вынужден был признать в своем труде *«О христианской доктрине»*, что христианскому учителю, перед которым стоит задача объяснения Писания, нужно знать помимо латинского также греческий и древнееврейский, в противном случае он будет постоянно натываться на противоречия» (см. сноску 47).

И он был убежден в том, что знание древних языков придаст свежесть и силу проповеди. Он говорил:

Хотя вера и евангелие могут проповедоваться и простыми проповедниками, не знающими древние языки, такая проповедь обречена быть плоской и «ручной», так что слушатели в конечном счете от нее устанут и отвергнут, и она потерпит

крах. Но когда проповедник – знаток в языках, его речь имеет свежесть и силу, он объясняет все Писание в целом, и вера постоянно обновляется непрерывным разнообразием произносимых слов (см. сноску 48).

Как мы видим, это преувеличение служит довольно-таки грустным упреком многим пасторам, забросившим свой греческий и древнееврейский. Что лично я могу сказать, так это то, что знание языков может сделать любого серьезного проповедника еще более серьезным, – более свежим, более укрепленным в вере, более уверенным, более глубоким. Но можно также проповедовать хорошо и без них, – по крайней мере, какое-то время. Испытать нашу преданность Слову можно так: достаточно ли мы заботимся о том, чтобы церковь Христова поощряла их сохранение, широкое преподавание и использование в церквях? или же мы, ради нашего собственного комфорта, преуменьшаем их важность, потому что обратное было бы упреком нам самим?

Я подозреваю, что эти обличительные слова Лютера о нашем пренебрежении и безразличии

к изучению древних языков обращены и ко многим из нас сегодня:

Грех и позор тем, кто не знает нашу собственную книгу или кто не понимает речи и слов нашего Бога; но еще больший грех и позор нам, что мы не изучаем языки, особенно в эти дни, когда Бог открывает и дает нам и истолкователей, и книги, и всякую иную возможность и стимул к их изучению, желая, чтобы Его Библия стала для нас открытой книгой. О, как радовались бы дорогие отцы церкви, если бы они имели наши возможности изучать языки и таким образом подходить подготовленными к изучению Писания! Какого же великого труда и усилий стоило им собрать те немногие крохи знания, что были у них, тогда как мы, не затрачивая и половину тех усилий, – а, по сути, вообще без особого труда, – можем приобрести всю буханку! О, как сильно эта их ревность обличает наше нерадение! (см. сноску 49).

4. Это упоминаемое им слово «нерадение» подводит нас к следующей характеристике Лютера-исследователя, а именно, к *чрезвычайному прилежанию несмотря на постоянно предлежавшие ему огромные препятствия*

То, что ему удалось совершить, находится на грани человеческих возможностей, и, конечно же, делает нас всех пигмеями в сравнении с ним.

Его должность профессора Библии в Виттенбергском университете сама по себе представляла огромный творческий труд: Он писал богословские трактаты десятками: на темы Библии, гомилетики, литургии, образования, молитвенной практики и политики, причем некоторые из них легли в основу протестантского богослужения на века. В то же время он занимался переводом всего Писания на немецкий язык, чем, кстати, внес свой вклад в его формирование. Он вел обширную переписку, так как его постоянно забрасывали письмами с просьбами дать совет и рекомендацию. Путешествия, встречи, конференции и собрания были в порядке дня. В то же время он регулярно проповедовал в церкви, которую он, похоже, рассматривал как показательную для Реформации (см. сноску 50).



Мы – не Лютер и никогда им не будем, как бы ни старались, однако суть здесь вот в чем: трудимся ли мы над Библией со всей строгостью и прилежанием, или же мы ленимся и работаем над ней так, от случая к случаю, как если бы ничего по-настоящему значимого она собой не представляла?

Когда ему было уже под шестьдесят, он увещевал пасторов быть прилежными в изучении Писания, а не ленивыми.

Некоторые пасторы и проповедники ленивы и потому плохо справляются со своими обязанностями. Они не молятся; они не читают; они не исследуют Писание... Призыв звучит такой: наблюдай, исследуй, читай со вниманием. В действительности слишком много читать Писание невозможно; а то, что читаешь, невозможно читать чересчур внимательно; а то, что читаешь внимательно, невозможно понимать чересчур глубоко; а то, что понимаешь глубоко, тому невозможно научить чересчур хорошо, а то, чему учишь хорошо, невозможно применять к своей жизни чересчур хорошо... Дьявол, мир и наша плоть

воюют и восстают против нас. Поэтому, дорогие господа и братья, пасторы и проповедники, молитесь, читайте, исследуйте, будьте прилежными... Это злое, позорное время, в котором мы живем, – не то время, когда можно быть ленивым, спать и храпеть (см. сноску 51).

Комментируя Бытие 3:19, Лютер говорит: «пот от домашних трудов велик; пот от политических дел еще больше, пот же от церковных дел – самый большой» (см. сноску 52). Однажды он дал ответ тем, которые занимаются тяжелым физическим трудом и считают труд чтения легкой жизнью.

Конечно же, – говорит он, – мне трудно удержаться «в седле». Но в таком случае покажите мне всадника, который может просидеть на одном месте целый день и смотреть в одну и ту же книгу, при этом не суетясь, не отвлекаясь и не думая о чем-нибудь другом, кроме этой самой книги. Спросите у проповедника, сколько труда стоит говорить речи и проповедовать... Да, держать перо очень легко, это верно... Однако в

этом труде лучшая часть человеческого тела (голова), самый благородный член тела (язык) и самый высокий вид труда (речь) выполняют главную роль и трудятся больше всего, тогда как в других видах труда всю работу выполняют либо руки, либо ноги, либо спина и другие части тела, так что человек, трудясь таким образом, может петь радостные песни или запросто шутить, чего не может делать тот, кто пишет проповеди. Здесь совершают труд всего только три пальца, но готовиться к нему приходится всему телу и душе (см. сноску 53).

Большая опасность, – говорит Лютер, – таится в представлении, что мы уже все постигли и поэтому нам нет нужды учиться дальше. «Пусть проповедники ежедневно выполняют свой труд исследования с прилежанием и постоянно им занимаются... Пусть они постоянно читают, учат, учатся, размышляют и рассуждают. Пусть не перестают заниматься всем этим до тех пор, пока не обнаружат и не убедятся в том, что своими занятиями замучили дьявола до смерти и стали более учеными, чем даже Сам Господь Бог и все его святые

(см. сноску 54)», – чему, конечно же, никогда не бывать.

Лютер знал о том, что есть такая вещь, как переутомление и вредное для здоровья, контрпродуктивное напряжение, но из его слов явствует, что он предпочитал лучше переусердствовать, чем недоусердствовать. Мы видим это из его трудов, когда он писал в 1532 году: «человек должен трудиться таким образом, чтобы он оставался в хорошем самочувствии и не вредил этим своему телесному здоровью. Мы не должны сломать себе голову за работой и тем нанести вред нашим телам... Я сам усердствовал в этом и не щадил свои мозги, потому что до сих пор не преодолел в себе эту вредную привычку перетруждаться, и вряд ли когда-нибудь ее преодолею в своей жизни» (см. сноску 55).

Я не знаю, сделал ли бы апостол Павел подобное же признание в конце своей жизни, однако он говорил: «я более всех их [апостолов] потрудился» (1 Коринфянам 15:10). Сравнивая себя с лжеапостолами, он говорил: «Христовы служители? в безумии говорю: я больше. Я гораздо *более [был] в трудах*, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти»

(2 Коринфянам 11:23). Поэтому неудивительно, что Лютер так стремился подражать своему любимому Павлу и быть «гораздо более в трудах».

5. Что подводит нас к следующей характеристике Лютера-исследователя, а именно, к страданию. По Лютеру, испытания выковывают богослова. *Испытание и скорбь – пробные камни герменевтики.*

Лютер обращает внимание на то, что псалмопевец в Псалме 118 не только молился и размышлял над Словом Божиим, чтобы понять его, но он также еще и страдал, чтобы понять его. Псалом 118:67: «Прежде страдания моего я заблуждался; а ныне слово Твое храню... 71: Благо мне, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим». Необходимый ключ к пониманию Писания, – страдание на пути праведных.

Исходя из этого, Лютер говорил: «Я хочу, чтобы вы знали, как правильно учиться богословию. Я сам использовал этот метод... Здесь вы найдете три правила: они часто повторяются в тексте Псалма 118, и они таковы: *Oratio, meditatio, tentatio* (молитва, размышление, испытание) (см. сноску 56). И именно испытания (*Anfechtungen*) он называл «пробным камнем».

«[Они] учат тебя не только знать и понимать, но также еще и ощущать на деле, насколько приятно, верно, правильно, могущественно, утешительно Божье Слово: это – высшая мудрость» (см. сноску 57).

И он доказывал снова и снова ценность испытаний своей собственной жизнью. «Ибо, как только Слово Божье начинает распространяться через вас», – говорит он, – «дьявол будет огорчать вас, будет делать из вас настоящего доктора богословия и своими искушениями научит вас искать и любить Божье Слово. Ибо я и сам обязан многим моим папистам и хочу поблагодарить их за то, что они так много били, зажимали и пугали меня, побуждаемые на то яростью дьявола, что в конечном счете сделали из меня довольно неплохого богослова, буквально палками пригнав меня к той цели, которой я сам никогда бы не достиг» (см. сноску 58).

Страдание в представлении Лютера было тесно переплетено с жизнью. Не забывайте еще то, что с 1521 года Лютер жил под анафемой Священной римской империи. Император Карл V сказал: «я решил бросить все, что у меня есть, против Лютера: мои царства и

земли, моих друзей, мое тело и мою душу» (см. сноску 59). Его могли законно убить везде, кроме тех мест, где он находился под защитой своего курфюрста.

Ему приходилось терпеть постоянную клевету самого низкого толка. Однажды он заметил: «если дьявол ничего не может сделать с учением, он нападает на самого человека, лжет на него, клеветает, ругается и кричит на него. То же самое делал в отношении меня папский Веельзевул: когда он не смог подчинить себе мое Евангелие, он написал, что я обладаем дьяволом, что я предатель, что моя любимая мать – проститутка и посещает бани» (см. сноску 60).

Физически он страдал от мучительнейшей боли, которую доставляли ему камни в почках, а также от головных болей, ушных нагноений и страшных запоров: «я чуть не отдал Богу душу, и даже сейчас, когда я омыт Кровию, я не могу найти покоя. То, что заживало в течение четырех дней, теперь опять разрывается» (см. сноску 61).

Неудивительно поэтому, что он был подвержен самым тяжким страданиям, как душевным, так и духовным. Например, в письме

Меланхтону 2-го августа 1527 года он пишет: «уже больше недели я ощущаю себя, как в аду; все мое тело разбито, мои конечности до сих пор еще дрожат. Я почти полностью утерял из виду Христа, гонимый волнами и бурями отчаяния и богохульства против Бога, но, благодаря заступничеству верных, Бог начал являть мне Свою милость и исторг мою душу из глубин ада» (см. сноску 62).

С внешней стороны для многих он казался неуязвимым, но те, кто близко знал его, знали, что он пребывает в *tentatio*. И снова он пишет Меланхтону из Вартбургского замка 13-го июля 1521 года, – в то время, когда он, по всеобщему убеждению, должен был в поте лица трудиться над переводом Нового Завета:

Я сижу здесь и ничего не делаю, сердце мое ожесточено и бесчувственно: увы! Молюсь мало, скорблю мало о Церкви Божией, горю разве что в жестоком огне моей буйствующей плоти. И получается, что, в то время как я должен был бы гореть духом, я «горю плотью», погрязши в похоти, лени, безделии и сне. Может быть, это все потому, что вы все пере-



стали молиться обо мне, и Бог отвернулся от меня... За последние восемь дней я не написал ни строчки, ни разу не молился, не изучал Библию, отчасти по причине потворства своим слабостям, а отчасти вследствие других очень досаждающих обстоятельств [запор и геморрой]... У меня просто больше нет сил... Молитесь же за меня, прошу вас, ибо, сидя взаперти в этом замке, я погряз в грехах (см. сноску 63).

Это и были те испытания, которые, по его словам, сделали из него богослова. Эти переживания были такой же частью его экзегетических трудов, как и его занятия греческим. Это заставило меня еще раз подумать, прежде чем осуждать скорби моего служения. Как часто я испытываю искушение думать о тяготах, борьбе и разочарованиях как о чем-то ненужном, что только отвлекает от дела исследования Слова и поиска понимания Его. Лютер же (и Псалом 118:71) учат нас смотреть на это все совсем по-другому. То событие, что расстроило вас и прервало ваши занятия, вполне может оказаться той самой линзой, с помощью

которой изучаемое вами место раскроется для вас, как никогда раньше. *Tentatio* – испытание, жало в плоть, – это невольный вклад сатаны в то, чтобы мы стали хорошими богословами.

Однако был момент, когда Лютер признался, что в таких обстоятельствах верить – «выше моих сил» (см. сноску 64).

6. Что подводит нас к последней характеристике Лютера как исследователя: *молитвенности и благоговейному упованию на вседостаточность Бога.*

И в этом случае богословие и методология сливаются у Лютера почти воедино.

В своей типичной парадоксальной манере Лютер, кажется, берет назад почти все, что он сказал об исследовании Писания, в следующем письме от 1518 года:

То, что проникнуть в смысл Священного Писания путем исследования и таланта, – это почти несомненный факт. Поэтому твой первый долг, – начать молиться, и молиться о том, чтобы, если будет угодно Богу совершить что-либо для Его славы, – для Его, а не твоей собственной или славы кого-либо другого, – Он

по великой милости Своей даровал тебе неложное понимание Его Слова. Ибо нет иного истолкователя божественных слов, кроме самого Автора их, как Он и говорит: «И будут все научены Богом» (Иоанна, 6:45). Посему тебе надлежит полностью отказаться от твоих собственных способностей и умения и положить всецело на вдохновение от Духа (см. сноску 65).

Однако для Лютера это означает не отказ от «внешнего Слова» ради погружения в мистическую прострацию, а омовение всех наших дел в молитве и настолько большое упование на Бога, чтобы Он вошел в нас и поддерживал и давал успех всем нашим исследованиям.

Поскольку Священное Писание хочет, чтобы к Нему подходили в страхе и смирении, и проникали в Его смысл больше путем исследования (!) вместе с благочестивой молитвой, чем одной только силой разума, поэтому те, кто, полагаясь лишь на свой разум, бросается в Писание с грязными ногами, подобно свиньям, как если бы Писание было

всего лишь одним из видов человеческого знания, просто не могут не навредить себе и другим, кого они научают» (см. сноску 66).

И снова он замечает, как псалмопевец в Псалме 118 не только страдает и размышляет, но и молится снова и снова:

Псалом 118:18: Открой очи мои, и увижу чудеса закона Твоего. 27: Дай мне уразуметь путь повелений Твоих, научи меня, о Боже, уставам Твоим. 34: Вразуми меня, и буду соблюдать закон Твой. 35: Поставь меня на стезю заповедей Твоих, ибо я возжелал ее. 36: Приклони сердце мое к откровениям Твоим, а не к *корысти*. 37: животвори меня на пути Твоем.

Итак, он заключает, что истинный библейский способ изучения Библии должен быть насыщен молитвой и постоянном, ежесекундном сомнении в своих способностях и полагании на Бога:

Вы должны полностью отказаться от вашего собственного опыта и рассуждения,

поскольку этими средствами вам цели не достичь... Лучше станьте на колени в вашей тайной комнате и с искренним смирением и серьезностью помолитесь Богу через Его любимого Сына, чтобы Он милостиво даровал вам Своего Святого Духа, чтобы просвещать и вести вас, и дать вам понимание (см. сноску 67).

Подчеркивание Лютером важности молитвы в изучении Писания исходит из его богословия, и именно в этом его методология и теология соединяются в одно целое. Он понял из Римлян 8:7 и из других мест Писания, что «естественный разум неспособен совершить что-либо благочестивое. Он не замечает гнева Божьего, а следовательно, не может по-настоящему бояться Его. Он не видит благодати Божией, а следовательно, не может ни доверяться Ему, ни верить в Него. Поэтому (!) мы должны постоянно молиться о том, чтобы Бог использовал Свои дары, которые Он дал нам» (см. сноску 68). Все наше исследование будет напрасным без труда Божьего в нас по преодолению нашей слепоты и ожесточенности сердца.

Краеугольным камнем богословия Лютера было полное упование на свободу Божьей

всемогущей милости, спасающей беспомощного человека от рабства воли. Его книга с таким же названием, *«Рабство воли»*, – вышедшая в свет в 1525 году, была ответом на книгу Эразма Роттердамского *«Свобода воли»*. Лютер очень ценил эту свою книгу, *«Свобода воли»*, считая ее своей «лучшей богословской книгой, и единственной в своем роде, достойной опубликования» (см. сноску 69).

Чтобы понять богословие Лютера и его методику исследования Писания, чрезвычайно важно подчеркнуть, что он признавал, что Эразм Роттердамский более чем какой-либо иной его оппонент понимал, что именно беспомощность человека перед Богом, а не борьба с грехами или чистилище является главным источником христианской веры. Человек бессилен оправдать себя, бессилен освятить себя, бессилен изучать Писание, как должно, и бессилен довериться Богу, чтобы Он что-нибудь в этом изменил.

Превознесение Эразмом человеческой воли, якобы свободной преодолеть свой собственный грех и рабство, по мнению Лютера, есть не что иное, как посягательство на свободу милости Божией, а следовательно, и на само

евангелие. В своем символе веры в 1528 году он пишет:

Я осуждаю и отвергаю как полностью ошибочные те учения, которые превозносят нашу «свободную волю», как прямо противоречащие этому посредничеству и благодати нашего Господа Иисуса Христа. Ибо поскольку вне Христа нашими хозяевами являются грех и смерть, а дьявол – нашим богом и царем, то нет и не может быть такой силы или власти, такого разума или мудрости, посредством которой мы могли бы сами изменить себя и сделать достойными праведности и жизни. Наоборот, ослепленные и плененные, мы обречены быть рабами сатаны и греха, действовать и мыслить так, как хочет он и противиться Богу и Его заповедям (см. сноску 70).

Для Лютера вопрос о порабощенности человека греху и его нравственной неспособности верить или сделать самого себя праведным, включая неспособность правильно изучать Писание, было главным, коренным вопросом Реформации. В этом споре ставилась на карту

свобода Божия, а следовательно, и свобода евангелия, а следовательно, слава Божия и спасение человека. Поэтому Лютер так любил свое сочинение «Рабство воли», в котором он приписывал всю свободу, силу и милость Богу, а беспомощность и зависимость – человеку.

В своем толковании Галатам 1:1-12 он вспоминал:

Я вспоминаю, как в самом начале моего пути доктор Штаупитц сказал мне: Мне нравится, что учение, которое вы проповедуете, приписывает славу и все вообще одному только Богу, и ничего – человеку, ибо Богу (а это яснее ясного) невозможно приписать слишком много славы, благости и т. п. Это слово утешало и немало ободряло меня в то время. И это верно, что евангельское учение отнимает от человека всю славу, мудрость, праведность и т. п. и приписывает все это одному лишь Создателю, Который творит все из ничего (см. сноску 71).

Вот почему молитва лежит в основе лютеровского подхода к изучению Слова Божьего. Молитва – это отзвук свободы и самодоста-



точности Бога в сердце беспомощного человека. Именно так он представлял себе свое богословие и так изучал Писание. И таким же образом он умер.

В 3 часа утра 18-го февраля 1546 года Лютер скончался. Его последней записью в дневнике было: «Wir sein Bettler. Nos est verum». «Мы – попрошайки. В этом – истина» (см. сноску 72). Бог свободен, – абсолютно свободен, – в Своей милости. А мы – попрошайки, молитвенники. А мы должны и жить, и изучать Писание лишь только так, чтобы Бог получал от этого славу, а мы – милость.

### Примечания:

1. Томас Мюнцер, на семь лет младше Лютера, стал проповедником в Церкви Св. Марии в Цвиккау. «Он... вступил в союз фанатиков, большей частью ткачей, которые во главе с Никоаусом Сторхом, создали общину, состоящую из двенадцати апостолов и семидесяти двух учеников, которая собиралась на свои малые «конвентиккулы», на которых они якобы получали божественные откровения». Philip Schaff, ed. *Religious Encyclopedia*, Vol. 2, (New York: The Christian Literature Co., 1888), p. 1596. Ответ Лютера см. в A. G. Dickens and Alun Davies, eds., *Documents of Modern History: Martin Luther*, (New York: St. Martin's Press, 1970), стр. 75-79.

2. Heiko A. Oberman, *Luther: Man Between God and the Devil*, trans. Eileen Walliser-Schwarzbart, (New York: Doubleday, 1992, orig. 1982), p. 193. Профессор Стивен Озмент из Гарварда называет Гейко Обермана «самым авторитетным в мире биографом Лютера».

3. Heiko A. Oberman, *Luther: Man Between God and the Devil*, p. 204.

4. Ewald M. Plass, compiler, *What Luther Says: An Anthology*, Vol. 3, (St. Louis, MO: Concordia Publishing House, 1959), p. 1359 (курсив мой).

5. What Luther Says: An Anthology, Vol. 2, (St. Louis, MO: Concordia Publishing House, 1959), p. 62.

6. What Luther Says: An Anthology, Vol. 2, p. 62.

7. What Luther Says: An Anthology, Vol. 2, p. 1355.

8. What Luther Says: An Anthology, Vol. 2, p. 913.

9. Heiko A. Oberman, *Luther: Man Between God and the Devil*, p. 77.

10. Это верно, что «плоть и кровь» не могут видеть славы Божией (Матфея 16:17). Только Дух Божий может открыть очи сердца, чтобы они увидели славу Божию в лице Христа (2 Коринфянам 4:6). Я это не отрицаю. Я лишь утверждаю, вместе с Лютером, что Дух не дает откровение о Сыне отдельно от «внешнего Слова».

11. Папа Пий IX описал эту доктрину 8-го декабря 1854 года такими словами: «Что преблагая Дева Мария в самый первый момент своего зачатия, по действию особой благодати и по усмотрению Всемогущего Бога, ради славы Христа, была сохранена от пятна первородного греха». Philip Schaff, ed. *Religious Encyclopedia*, Vol. 2, (New York: The Christian Literature Co., 1888), p. 1064.

12. Это делают критически настроенные историки. Они используют различные исторические критерии, чтобы опровергнуть то, что та или иная притча Иисуса была рассказана Им Самим, или что то или иное чудо было на самом деле сотворено Им.

Но ни один из этих историков не утверждает, что он пересказывает рассказ о Воплощенном Слове по вдохновению от Духа. Другими словами, я не хочу сказать, что отсутствует критика исторического Иисуса, я хочу сказать, что роль Духа не состоит в том, чтобы подменить Собой Книгу, и что истинное Воплощенное Слово не открывается одним лишь Духом отдельно от Слова.

13. Hugh T. Kerr, *A Compend of Luther's Theology*, (Philadelphia: The Westminster Press, 1943) p. 17.

14. Heiko A. Oberman, *Luther: Man Between God and the Devil*, p. 102.

15. Heiko A. Oberman, *Luther: Man Between God and the Devil*, p. 92.

16. Heiko A. Oberman, *Luther: Man Between God and the Devil*, p. 125.

17. Heiko A. Oberman, *Luther: Man Between God and the Devil*, p. 128.

18. Heiko A. Oberman, *Luther: Man Between God and the Devil*, p. 315.

19. Heiko A. Oberman, *Luther: Man Between God and the Devil*, p. 137.

20. Heiko A. Oberman, *Luther: Man Between God and the Devil*, p. 145.

21. Meuser, Fred W., *Luther the Preacher*, (Minneapolis: Augsburg Publishing House, 1983), p. 39.

22. *Luther the Preacher*, p. 51.

23. *Luther the Preacher*, pp. 37, 38.

24. Walther von Loewenich, *Luther: the Man and His Work*, trans. by Lawrence W. Denef, (Minneapolis: Augsburg Publishing House, 1986, orig. 1982), p. 353.

25. *Luther the Preacher*, p. 27.

26. *Luther the Preacher*, p. 38.

27. W. Carlos Martyn, *The Life and Times of Martin Luther*, (New York: American Tract Society, 1866), p. 473.

28. W. Carlos Martyn, *The Life and Times of Martin Luther*, p. 272.

29. Conrad Bergendoff, editor, *Church and Ministry II*, vol. 40, Luther's Works, (Philadelphia: Muhlenberg Press, 1958), pp. 315, 316.

30. John Dillenberger, ed. *Martin Luther: Selections from His Writings*, (Garden City, New York: Doubleday and Co., 1961), p. xvii.

31. John Dillenberger, ed. *Martin Luther: Selections from His Writings*, pp. 11, 12.

32. Heiko A. Oberman, *Luther: Man Between God and the Devil*, p. 138.

33. *What Luther Says: An Anthology*, Vol. 1, p. 83.

34. Heiko A. Oberman, *Luther: Man Between God and the Devil*, p. 173.

35. *What Luther Says: An Anthology*, Vol. 3, p. 1355.

36. Hugh T. Kerr, *A Compend of Luther's Theology*, p. 13.

37. *What Luther Says: An Anthology*, Vol. 1 p. 97.

38. Hugh T. Kerr, *A Compend of Luther's Theology*, p. 16.

39. What Luther Says: An Anthology, Vol. 1, p. 112.
40. What Luther Says: An Anthology, Vol. 1, p. 113.
41. Heiko A. Oberman, *Luther: Man Between God and the Devil*, p. 224.
42. What Luther Says: An Anthology, Vol. 1, p. 67.
43. Heinrich Bornkamm, trans. by E. Theodore Bachmann, *Luther in Mid-Career, 1521-1530*, (Philadelphia: Fortress Press, 1983, orig. 1979), p. 564.
44. Hugh T. Kerr, *A Compend of Luther's Theology*, p. 17.
45. W. Carlos Martyn, *The Life and Times of Martin Luther*, pp. 474, 475.
46. W. Carlos Martyn, *The Life and Times of Martin Luther*, p. 474.
47. What Luther Says: An Anthology, Vol. 1, p. 95.
48. Hugh T. Kerr, *A Compend of Luther's Theology*, p. 148.
49. Meuser, Fred W., *Luther the Preacher*, p. 43.
50. Meuser, Fred W., *Luther the Preacher*, p. 27.
51. Meuser, Fred W., *Luther the Preacher*, pp. 40, 41.
52. What Luther Says: An Anthology, Vol. 2, p. 951.
53. Meuser, Fred W., *Luther the Preacher*, pp. 44, 45.
54. What Luther Says: An Anthology, Vol. 2, p. 927.
55. What Luther Says: An Anthology, Vol. 3, p. 1496, 1497.
56. What Luther Says: An Anthology, Vol. 3, p. 1359.
57. What Luther Says: An Anthology, Vol. 3, p. 1360.

58. What Luther Says: An Anthology, Vol. 3, p. 1360.
59. Heiko A. Oberman, *Luther: Man Between God and the Devil*, p. 29.
60. Heiko A. Oberman, *Luther: Man Between God and the Devil*, p. 88.
61. Heiko A. Oberman, *Luther: Man Between God and the Devil*, p. 328.
62. Heiko A. Oberman, *Luther: Man Between God and the Devil*, p. 323.
63. E. G. Rupp and Benjamin Drewery, editors, *Martin Luther: Documents of Modern History*, (New York, St. Martin's Press, 1970), pp. 72, 73.
64. Heiko A. Oberman, *Luther: Man Between God and the Devil*, p. 323.
65. What Luther Says: An Anthology, Vol. 1, p. 77.
66. What Luther Says: An Anthology, Vol. 1, p. 78.
67. What Luther Says: An Anthology, Vol. 3, p. 1359.
68. Conrad Bergendoff, editor, *Church and Ministry II*, vol. 40, *Luther's Works*, (Philadelphia: Muhlenberg Press, 1958), pp. 301, 302.
69. John Dillenberger, ed. *Martin Luther: Selections from His Writings*, p. 167.
70. What Luther Says: An Anthology, Vol. 3, p. 1376, 1377.
71. What Luther Says, Vol. 3, p. 1374.
72. Heiko A. Oberman, *Luther: Man Between God and the Devil*, p. 324.

# IN LUMINE

WWW.INLUMINE.ORG

Цель IN LUMINE — показать людям, что Бог желает воссиять светом познания Своей славы в сердце человека. Бог бесконечно достоин, и человек создан для того, чтобы видеть Его и дорожить Им во всех Его гранях. Это единственное, что утоляет жажду души.

Мы желаем, чтобы с помощью наших ресурсов вы приближались, видели и наслаждались великолепием Христа.

За дополнительной информацией и материалами обращайтесь по адресу:

In Lumine Media  
А/я 1842  
Чернигов 14000  
Украина

Тел.: 380635630071  
info@inlumine.org  
Inlumine.org